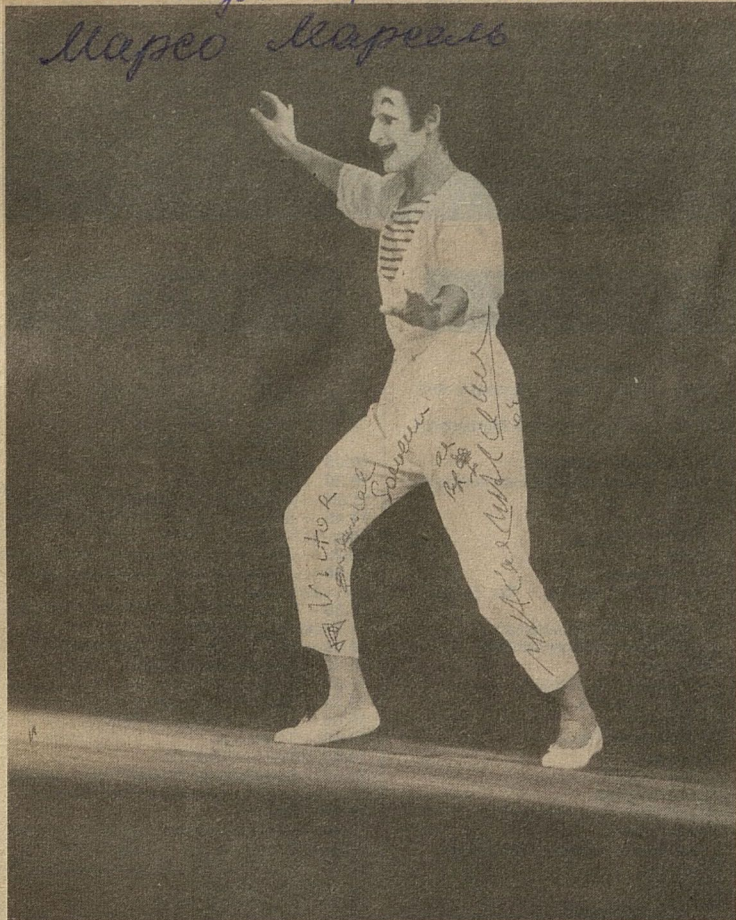

Век. клуб. - 1994 - 30 июля - с. 7

Марсо Марсель

«БК» в гостях

В нашей стране он был, увь, давно: в 1961 и 1964 годах. В Париже застать его тоже нелегко: ездит по свету со своим «театром без слов», давая до 350 спектаклей в год. Мне повезло: оказавшись в великом городе, я позвонила в приемную Международной школы мимодрамы, которую он создал, и услышала: «Да, мсье Марсо здесь». Он принял журналистку из России радушно, был предупредителен и искренен

Марсель
MARCO:

«Я хотел бы жить и умереть в Москве, если б не было такой земли: Париж»

- Маэстро, мы знаем о вас немало. А вот как вы начали заниматься пантомимой, я почему-то нигде не могла прочесть.

- Начал я в весьма нежном возрасте. Мне попала в руки книга, где описывалось, как и что делали мимы XVI века на плитах дворцового двора, развлекав Генриха IV и его приближенных, наблюдавших зрелище из окон Лувра. Я остро позавидовал этим мимам. Пытался что-то изобразить перед зеркалом, когда никто меня не видел. Вы тоже можете: попробуйте перед зеркалом «погрузиться с головой в воду»... Но тот день, когда я сделал практический шаг в пантомиму, был особым. 1944 год, первый день только что освобожденного от гитлеровской оккупации Парижа! Я уже не подросток, но еще не совсем юноша. Брожу по городу и замечаю маленькую изысканную вывеску: «Уроки пантомимы. Мэтр Эжен де Кру». Набираюсь храбрости и вхожу.

- Позвольте, хоть и с некоторым опозданием, поздравить вас с высокой честью - избранием во Французскую академию! Вы первый в истории мим, вступивший в сонм бессмертных, как называют ваших академиков.

- Моги ли я мечтать об этом полвека назад? Три года учебы у Эжена де Кру привели меня к созданию Бипа, поэтического персонажа, который сопутствует мне с тех пор. Бип - младший брат нашего Пьеро, близкий родственник русского Петрушки. Бип-дрессировщик, Бип-фокусник, уличный музыкант, Бип-охотник за бабочками, Бип-Давид и Бип-Голиаф (почти одновременно), Бип на светском рауте, Бип-клерк, опаздывающий на службу в канцелярию; Бип обжигается на невидимом огне, борется с штормовым ветром, ораторствует с трибуны...

- Помнится, вы привозили своего Бипа на гастрольные спектакли в Москву. С тех пор он как-либо изменился?

- Разве что поседел, как я. Но все такой же стройный и гибкий, как видите. Пантомима не позволяет полнеть. Между прочим, о Москве до сих пор вспоминаю с удовольствием. Хотя там мне почти не удавалось выспаться: кроме спектаклей, были встречи, встречи и встречи, подчас до утра. Я подружился с Олегом Поповым, Сергеем Бондарчуком, Сергеем Юткевичем... Нет, не стану перечислять, а то кого-нибудь пропущу и

обижу... А ваши собраты-журналисты тогда подвели меня к памятнику поэту Маяковскому, процитировали его слова: «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли: Москва», и я понял, что просто обязан ответить: «Я хотел бы жить и умереть в Москве, если б не было такой земли: Париж». Ваши коллеги пришли в восторг от моей сообразительности!

- Маэстро, вы считаете свое искусство эстафетой, принятой сквозь поколения у мимов Генриха IV?

- Нет, у меня пантомима современная. Конечно, многое возникло еще в Древней Греции: мимисты и тогда делали невидимое видимым, конкретное отвлеченным, и наоборот. Обыгрывали воображаемые предметы, как бы взрывая их изнутри. Но фильмы Чаплина подсказали мне, что можно делать полноценные мимические спектакли! И я начал ставить. Первой была представлена «Шинель» Гоголя - в 1951 году. Со всей ответ-

ственностью заявляю: лучше всего ложатся на пантомиму сюжеты Гоголя. «Все мы вышли из гоголевской «Шинели». Спустя 42 года возобновил (слегка обновив) постановку «Шинели», и теперь она снова покоряет зрителей пяти континентов.

- Что еще вы поставили из классики?

- Гоголевский «Нос». Его же «Вия» и «Мертвых душ». А также «Евгения Онегина» по Пушкину, «Идиота» по Достоевскому, «Первую любовь» по Тургеневу. И «Фауста» Гете.

- Что же для вас пантомима?

- Моя жизнь, мое существо, мое оружие. Пантомима обнажает истинность чувств. Неожиданный «предательский» жест или движение мышц лица выдают подлинные мысли персонажа. Пантомима - это гиперболы и реальность, отбор и синтез. Рентген мозга! Мимист надевает «маску», чтобы сорвать ее с лица своего персонажа. Например, вот я показываю бедняка, зачарованного витриной роскошного магазина, в который ему незачем входить. А вот я - гуляка, с трудом удерживающийся на ногах, опирающийся о стойку бара. И вслед за этим - смотрите! - скульпт, которому приходится угощать сослуживца дорогим вином. Весельчак, мот, зазнайка, трус, хвастун, позер и фат, кто угодно... Все вкружающие. И не нужно слов.

- Вы работаете с искусными партнерами, не так ли?

- Да, мои «соучастники» - мастера своего дела. Но отдаю должное лучшему из них, Пьеру Вери (стаж нашей дружбы - 40 лет), бесподобному пантомимисту, ничем не хуже меня. У Пьера уникальная сценическая профессия: он - молчаливый конференсье. Средствами пантомимы коротко рассказывает зрительному залу, что именно увидят собравшиеся в предлагаемом спектакле. Делает это очень смешно и каждый раз неожиданно даже для меня.

- Что представляет собой ваша Международная школа мимодрамы?

- Она возникла сравнительно недавно, когда мы смогли позволить себе нанять достойное замысла помещение и обеспечить студентов стипендией. В этой школе около ста юношей и девушек, прошедших строгий отбор, очень трудный конкурс в несколько туров. Поступают к нам 15-16-летние, максимум 20-летние: позже начинать занятия пантомимой, на мой взгляд, нельзя, мало что получится. У нас отличные преподаватели истории искусств, общеобразовательных наук.

- А кто ведет мимические классы?

- Мы с Пьером Вери. Кроме драматической пантомимы, у нас есть дисциплина - пантомима стиля. Студенты овладевают стилистикой мимов Востока, Африки, различных стран Европы. Все это они обязаны знать и уметь показать. Так складывается мастерство, арсенал, техника артиста. Не устаю повторять ученикам, что мимист - это и художник, и скульптор, и поэт, и танцор, и акробат... Стараюсь обучить так, чтобы их тела вибрировали, как струны лиры или арфы. Чтобы они сделались не просто артистами, но магами пантомимы, лепящими мир из воздуха. Увы, сегодня не хватает не талантов, а учителей.

- Интерес к вашему искусству, судя по всему, не только не угасает, но все возрастает?

- Я бы сказал, что пантомима почти во всем мире переживает эпоху Возрождения, Ренессанс. У нас во Франции в городе Периге ежегодно устраивается фестиваль, на который съезжаются труппы из многих стран, в том числе из России.

- Кого из российских пантомимистов отличаете?

- Прежде всего Илью Рутберга, с которым я познакомился 33 года назад в Москве и дружу по сей день. Недавно Илья прислал мне свою книгу «Искусство пантомимы», а я отправил ему письмо, украсив текст собственными рисунками, под которыми начертал: «Илье с любовью». «Жизнь слишком быстротечна», - написал я. - А наше искусство глубоко, поэтому мы продвигаемся вперед медленно. Как удалось Пушкину стать бессмертным за его столь короткую жизнь?» Вопрос вопросов...

Ну и еще мне по душе искусство Александра Жеромского.

- Вы - один из немногих творческих корифеев XX столетия, которые охотно выступают в больницах, домах призрения и тюрьмах...

- Оказывается, я умею искренне сострадать несчастным. А насколько они несчастны, осознал, играя больных, стариков и преступников.

Маэстро навестила
Нина АЛЕКСАНДРОВА.

Фото из коллекции автографов Виктора
АХЛОМОВА (1964 г.)